

РАБОТНИКИ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ 1920-х годов: НОМЕНКЛАТУРНЫЕ ПОДХОДЫ БОЛЬШЕВИКОВ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)

Прочность любой системы власти, какой бы основательной и упорядоченной она ни была, на какую бы тщательно проработанную законодательную базу ни опиралась, в значительной мере зависит от профессиональной компетентности и морального облика управленческого штата чиновников, особенно тех, кто занимает низшие ступени административной лестницы и непосредственно общается с населением. Данное правило является универсальным и для России, в которой общественные представления традиционно характеризуются высокой степенью персонифицированности органов власти. В советский период актуальность отмеченного правила ничуть не снизилась и более того, возросла в связи с произошедшими в стране после Октября 1917 г. общественно-политическими трансформациями.

Большевики шли к власти под лозунгами создания в России подлинной системы народовластия в форме советов разных уровней, формировавшихся путем свободных выборов и, таким образом, максимально приближенных к населению и в полной мере учитывавших его нужды. Нельзя обвинить большевиков в том, что эти лозунги оказались пустой демагогией: советы как органы власти действительно были созданы и, с формально-юридической точки зрения, являлись базисом политической системы страны: «Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов», «вся власть в центре и на местах принадлежит Советам»¹. Территорию государства постепенно покрыла густая сеть органов местного самоуправления. Возросла численность представителей местной администрации, которую, учитывая аграрный характер социально-экономического устройства досоветской и советской России (крестьянство – не менее 75% населения) составляли, прежде всего, работники сельских (станичных, поселковых, аульских, хуторских) советов в лице их председателей и секретарей. Исторические коллизии властно-электоральных ожиданий правящей партии большевиков и крестьянства в отношении корпорации местных управленцев в 1920-х гг. стали предметом рассмотрения в настоящей статье.

В российской историографии 1920-х гг. вопросы функционирования низового звена социальной системы управления изучены довольно обстоятельно. Сложился слой литературы, в которой раскрывались различные аспекты: организационно-властные², деятельность-функциональные³, институциональные⁴, выборные⁵ и др. В качестве общей тенденции следует обозначить публицистический и организационно-методический характер выходивших в 1920-х гг. изданий. В течение советского периода историки неоднократно обращались к рассматриваемой проблеме. Постепенно сложилась историографическая традиция, когда в качестве базового властного института рассматривались исключительно сельские советы, а разнообразие властных органов доколхозной деревни отошло в тень⁶. Акцентировалось внимание на классовой борьбе и победе большевиков и на позитивных результатах социалистического строительства в деревне⁷.

В 80-х и особенно в 90-х гг. XX в. наблюдался отход от устоявшейся историографической традиции⁸. Сельские советы представлялись как один из многих властных институтов в доколхозной деревне. Историки все чаще поднимали вопрос о роли

* Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института).

крестьянской общины в управлении доколхозной деревней, о значительном влиянии крестьянских масс на формирование низовых властных структур⁹. С начала XXI в. в российской историографии складывается тенденция поливариантного рассмотрения организации местной власти в деревне¹⁰. Это позволяет нам говорить об актуальности исследования низового звена сельской социальной системы управления в регионально-историческом аспекте.

Работники сельских советов, будучи истинно народными избранниками, казалось, должны были полностью устраивать своих избирателей и тем самым крепить доверие народа к советской власти, вроде бы демократической по своей сути. Однако социальная реальность Советской России первого постоктябрьского десятилетия убедительно доказала, что подобного рода властно-электоральные ожидания зачастую являлись беспочвенными или попросту ошибочными. В исторических источниках 1920-х гг. содержится пугающее количество упоминаний о том, что советский аппарат в деревне «очень плохой»¹¹. Об этом писали и обычные крестьяне, и сельские корреспонденты (селькоры, не без оснований именовавшие себя «барометрами деревни»¹²), и многие представители власти, в том числе из высшего советско-партийного руководства.

Негативные оценки функционирования сельского советского аппарата, в том числе и на Юге России, порождались служебной халатностью, злоупотреблениями, низким моральным уровнем его работников («сельсоветчиков»). Немало прошедших в местные органы власти субъектов являлись убежденными ценителями горячительных напитков. Так, в 1925 г. на хуторе Бабиче-Кореновском Кореновского района Кубанского округа Северо-Кавказского края «часть выбранных членов сельсовета оказались пьяницами»¹³. Причем многие из них, облеченные административными полномочиями, ради вожаемого зелья безо всяких раздумий легко игнорировали даже свято чтимые большевиками классовые принципы и при случае шли на сговор с ненавистными «кулаками». Социальная моделируемость и повторяемость такой ситуации оказались настолько частыми, что, например, в одном из присланных в «Крестьянскую газету» в 1928 г. фельетоне в уста негативного персонажа – председателя сельсовета – большевистски правомерно мыслящий корреспондент вложил такие слова: «Мне бедняк не даст на водку, // а раз так, он мне не брат, // а кулак промажет глотку, – // угостить всегда он рад»¹⁴. Подобное предательство партийно-классовых интересов особенно сильно возмущало коммунистов. Не меньше на поверку в сельсоветах выявлялось взяточников, вследствие чего Донецкая окружная конференция бедноты в ноябре 1928 г. пришла к вполне обоснованному выводу о том, что «необходимо больше обращать внимание на председателей сельсоветов и лиц, которые занимаются взяточничеством, нужно гнать [таких] из советов и подбирать могущих работать и имеющих гражданскую совесть»¹⁵.

Естественно, пьянство и злоупотребления служебным положением шли рука об руку с откровенной халатностью, с наплевательским отношением многих «сельсоветчиков» к выполнению возложенных на них административных обязанностей. По этому поводу селькор из станицы Каргинской Вешенского района Донецкого округа Северо-Кавказского края писал в «Крестьянскую газету» весной 1925 г.: «Есть работники стансовета, которые только понимают о себе, а о других им дела нет»¹⁶. А осенью того же года руководитель школы-передвижки А.И. Огинский из все того же Вешенского района жаловался в районный комитет ВКП(б), что председатель станичного совета станицы Еланской демонстрирует нетерпимую халатность. Например, писал Огинский, «приходит бумага о том, что государство дает [хлеборобам] племенных жеребцов и прочее на выгодных условиях, но председатель эту бумажку кладет под сукно, не оповещая на собрании граждан, а пишут ответ в округ или рапорт, что граждане отказались от этого и вот поголовные явления такие»; «а сам председатель с помятой физиономией забежит в совет утром в свой кабинет [и,] если есть почта, то поставит на углах присланных бумажек к “исполнению”, отдаст, не читая, секретарю и делопроизводителю, и затем испаряется»¹⁷. Как-то раз на имя председателя в совет пришла бумага из военкомата о том, что ему как бывшему командиру роты надлежит явиться

для инструктирования о порядке обучения терармейцев (т.е. военнослужащих, проходящих службу в территориальных частях переменного состава). Однако председатель, по своему обыкновению, пришедшую повестку не читал и отдал ее секретарю с делопроизводителем, которые «не знали, что делать и в конце концов эта вещь (весть. — Т.П.-К) разнеслась по станице, и был разговор среди граждан»¹⁸.

Постоянно наблюдая недостойное поведение работников сельсоветов, крестьяне негативно отзывались о практике функционирования органов местного самоуправления Советской России. Так, в 1925 г. высокопоставленные партийные функционеры, выехавшие в различные районы страны с целью изучить положение на местах, пришли к выводу, что «деревня за советскую власть... но ту власть, которая есть на месте, она не считает достаточно хорошей, достаточно работоспособной»¹⁹. Участвовавшие в этой инспекционной поездке секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов и секретарь ЦК РКП(б), член Оргбюро ЦК РКП(б) А.А. Андреев докладывали членам ЦК, что среди крестьян наблюдалось «сплошное недовольство недостатками, слабостью и произволом органов местной власти», что «во время поездки всюду крестьянство как бы подчеркивало свое доверие и уважение к центральной власти, сильно жалуясь, однако, на многочисленные непорядки в местных органах и недостатки и злоупотребления отдельных местных работников»²⁰. В 1928 г. селькоры писали в «Крестьянскую газету»: «Деревня стонет от насилия местной власти»; «[я] очень уважаю советскую власть, но очень много несправедливости царит кругом»²¹.

Неудовлетворительное функционирование сельских советов в доколхозной деревне невозможно объяснить влиянием какого-либо одного фактора. Здесь сказывались и особенности большевистской идеолого-политической доктрины, основанной на идеях «классовой борьбы» и «диктатуры пролетариата» и специфика взаимоотношений между различными органами местного самоуправления (сельсоветами и, например, сходами членов земельных обществ), и юридически оформленные условия материального вознаграждения «сельсоветчиков», и др. Если же говорить только о корпорации сельских администраторов низового уровня 1920-х гг., то следует отметить, что ее профессионально-деловые качества, морально-этические характеристики, уровень корпоративной ответственности и личной добросовестности во многом зависели от большевистской идеологии и социально-классовой политики руководства партии, которому фактически принадлежала вся полнота власти в Советской России.

По глубокому убеждению большевиков, органы местного самоуправления должны были заполняться исключительно представителями «титульных» социальных слоев советского общества, — пролетариата, батрачества, бедноты. Поэтому партийные функционеры не устали напоминать членам низовых партячеек, местным руководителям и сельскому электорату о «необходимости обратить особое внимание на подбор лучших работников в сельсоветы из бедноты»²². При этом правящая партия упрямо не желала оценивать сложившееся отношение самих деревенских жителей к этим низшим в сельской социальной иерархии слоям.

На всем протяжении второго десятилетия XX в. представители власти последовательно пытались реализовать задачу по привлечению к общественной и административной работе женщин-крестьянок. В частности, в 1929 г. вышло специальное «Положение об уполномоченных по работе с общественницами», в котором четко формулируется и такая задача, как «выработка мер по выдвижению новых женских сил на руководящую работу, особенно в моменты перевыборных кампаний»²³. Выражая заинтересованность в феминизации сельсоветов, представители партийно-советского руководства надеялись, что эксплуатация гендерного потенциала деревни будет способствовать дальнейшему укреплению большевистского режима. Надо признать, что подобного рода расчеты имели достаточно выраженные социально-демографические основания. Ведь после Первой мировой и Гражданской войн женщины составляли свыше 50% сельского социума и, в случае распространения среди них просоветских настроений, могли склонить чашу весов в пользу большевиков. И действительно, во время такого острейшего конфликта, как сплошная форсированная коллективизация

в конце 1920-х – первой трети 1930-х гг., многие крестьянки выступили в поддержку сталинской аграрной политики, хотя не менее значительная часть женского населения деревни ответила на эту политику многочисленными «бабьими бунтами»²⁴.

Наиболее желательными кандидатурами при формировании органов местного самоуправления в деревне, с точки зрения большевистского руководства, являлись, конечно же, члены компартии. Правда, для выдвижения в органы власти подходил не каждый деревенский коммунист, а только тот, кто имел (и хранил) привлекательный для большевистских идеологов социальный образ «сельского пролетария» – батрака или бедняка. Согласно партийным документам, «коммунист, имеющий хозяйство, во власти и в волкоме (волостной комитет. – Т.П.-К.) не желателен»²⁵. Впрочем, таких «неправильных» коммунистов в доколхозной деревне оказывалось немного, так что во время перевыборов сельсоветов кандидатуры членов РКП(б) выставлялись целыми списками.

Итак, истинным «сельсоветчиком» в 1920-х гг. являлся батрак или бедняк, желательно с партийным билетом и, что отнюдь не исключалось, женского пола. Вот такие номенклатурные параметры задавались изначально правящей партией. Но, как показывает отечественная практика взаимоотношений власти и народа, декларации первой (и, особенно, конкретные мероприятия по их реализации) весьма редко совпадают с настроениями, желаниями и ожиданиями второго. В случае с формированием корпорации работников органов сельского самоуправления положение складывалось аналогичным образом. По сталинскому определению, «темное»²⁶ крестьянство (в том числе и южнороссийское) никак не желало ценить усилий большевиков по формированию кристально чистого в социальном и политико-идеологическом плане аппарата самоуправления. Более того, сельские жители даже выражали недовольство действиями партийно-советского руководства по заполнению вакансий в сельсоветах только членами РКП(б) и представителями бедняцко-батрацких слоев деревни.

Кандидаты на должности «сельсоветчиков» из числа последних вызывали устойчивое неприятие сельского социума, ибо рассматривались им в качестве неисправимых лентяев или алкоголиков. Крестьяне были твердо убеждены, что человек, неспособный правильно и рационально вести собственное хозяйство, никогда не сможет наладить общественные дела; более того, его даже нельзя допускать к ведению таких дел. Поэтому, несмотря на давление партийно-советских структур, жители села старались при первой удобной возможности устранить («провалить», «дать отвод») из числа кандидатов в сельсовет того или иного бедняка, известного односельчанам «с плохой стороны»²⁷. Добавлю, что иной раз и сами бедняки стремились отказаться от исполнения выборной должности; мотивом самоотвода выступало, как правило, опасение, что административная работа будет отнимать слишком много времени и сил. Так, во время перевыборов сельсоветов осенью 1924 г. члены Сальского окружкома ВКП (б) говорили о том, что «были случаи в некоторых селениях, когда крестьянин-бедняк, вторично единогласно избираемый в Совет, снимал шапку и умолял собрание освободить его от этой почетной должности, т[ак] к[ак] иначе он должен вконец разорить свое хозяйство»²⁸.

В отношении женщин как вероятных членов сельсовета демонстрировалось еще большее неприятие: в документах 1920-х гг. неоднократно констатировалось, что крестьяне «женщин не избирают в совет»²⁹. Большевистским агитаторам, ратававшим за феминизацию сельсоветов, мужская часть деревни убежденно отвечала: «Женщина – балласт, нам нужны люди деловые, которые могли бы управлять советскими делами»³⁰. На Юге России, где наличествовали крупные казачьи сообщества, также демонстрировались антипатии: «Казачи косятся на тех женщин, которые ходят на собрания и хотят работать в сельсовете»; «какой там толк от бабы»³¹. В данном случае, несмотря на сохранявшуюся в 1920-х гг. на Дону, Кубани, Ставрополье или Тереке сословную рознь между казаками и крестьянами, и те, и другие в равной мере не желали допускать женщин к управлению общественными делами.

Подобные настроения представляли собой дань сельским патриархальным традициям, но опровергались примерами успешной деятельности крестьянок и казачек на общественном поприще. Вместе с тем следует признать, что в конкретно-исторических условиях советской доколхозной деревни 1920-х гг. стремление большевиков привлечь в сельсоветы как можно больше женщин зачастую наткнулось на непреодолимые препятствия бытового и экономического характера. Множество женщин, обремененных семьями, детьми и хозяйственными заботами, попросту не могли исполнять возложенные на них административные обязанности. Так, в 1929 г. в Ставропольском округе Северо-Кавказского края в 14 сельсоветах председателями работали женщины (тогда как в 1928 г. подобное наблюдалось только в 2 сельских советах). В архивных документах прослеживается, что женщин чаще, чем мужчин, снимали с работы и нередко они сами отказывались от выполнения должностных обязанностей; имел место случай, «когда женщина только числится на работе, фактически же не работает»³². В конце 1929 г. Курсавский райисполком докладывал Ставропольскому окрисполкому, что в Янкульском сельсовете его председатель, женщина, освобождена от занимаемой должности, так как «не вынесла возложенной на нее руководящей работы». Предполагалось снять с работы и женщину, председательствовавшую в Широкогорьковском сельсовете как не справившуюся со своими обязанностями³³.

Что касается коммунистов – кандидатов в члены сельского совета, то в исторических источниках второго десятилетия XX в. отмечалось: членов компартии крестьяне «не уважают»³⁴. Подобное явление и, соответственно, нежелание видеть коммунистов в органах сельского самоуправления порождались рядом причин. Во-первых, сельские коммунисты имели низкий образовательный уровень и были «политически мало развиты»³⁵, так что, по словам членов Донского окружка ВКП(б), «касающиеся их законы советские крестьяне знают во много раз лучше, чем коммунисты [в сельсоветах]»³⁶. Ограниченный кругозор сельских партийцев зачастую не позволял им достойно выполнять возложенные на них административные функции. Как говорили работники того же Донского окружка ВКП(б) в феврале 1926 г., «если раньше нужен был коммунист, хорошо владеющий оружием, то теперь нужен коммунист, который мог бы в этих сложных задачах, выдвигаемых жизнью, разобраться. А много ли у нас таких коммунистов, которые могли бы руководить всеми этими сложными задачами и в области политики, и в области экономики, и в области кооперации и т.д.»³⁷. Это был вопрос риторический, поскольку партийцев, способных «разобраться в сложных задачах» деревенской жизни, оказывалось немного.

Во-вторых, городские коммунисты, присланные в деревню на общественную или административную работу, имели слабое представление о сельской жизни, что вызывало негативное отношение крестьянства и казачества. Секретарь Ейского райкома РКП(б) П.М. Горюнов справедливо писал в 1925 г.: «Незнающего деревню присланного в станицу партработника станичники не уважают, хотя бы во всех остальных отношениях он был дельным человеком. Ко всякому присланному работнику приглядываются, всякую ошибку подмечают и, может быть, в слух не скажут, но про себя отметят: “Це человек не наш”»³⁸.

Горюнов приводил в своей работе рассказ председателя Ново-Щербиновского станичного совета Краснопольского о том, каким образом ему удалось завоевать доверие земледельцев: «Поехал он со станичниками в город. Ехали мимо посевов. Один станичник показывает на посев и говорит: “Тов. Краснопольский! Скажите вы мне дурню, яка цэ трава, ны як нэ разберу: горновка, чи шо?” и когда Краснопольский ответил правильно и назвал точно сорт пшеницы, все хитро перемигнулись: “От сразу видно, шо вин хлебороб”»³⁹. Напротив, не разбиравшиеся в тонкостях сельской жизни партийцы не могли рассчитывать на завоевание авторитета среди крестьян. Работники прессы и представители ЦК ВКП(б) на совещании в 1927 г. признавали: «Коммунист на сходе не только как руководитель схода, а, по крайней мере, как голос, один из слышимых и твердых голосов – это фикция, это миф, это отсутствующая вещь»⁴⁰. Некоторые коммунисты, присланные в село на административную работу и ощущавшие на себе косые

взгляды крестьян, предпочитали забыть о партийной дисциплине и отказаться от должности. Так, во время перевыборов сельских советов осенью 1924 г. в Азовском районе Северо-Кавказского края «посланный член партии в одно село, по нежеланию остаться работать в деревне, при перевыборах в сельсовет себя провалил»⁴¹.

В-третьих, устойчивое отторжение сельских жителей вызывал волонтаристский, командный, а то и агрессивный стиль работы коммунистов, занявших административные посты в деревне. Подобных «диктаторов с партбилетом» в кармане появлялось тогда немало. Например, члены Сальского окружкома ВКП(б) признавали в 1925 г., что «большинство деревенских коммунистов работают на селе с 1920 года, [и у них] привычка командовать осталась до сих пор»⁴².

Наконец, в-четвертых, жителей доколхозной деревни сильно раздражало явное несоответствие между пропагандистскими заявлениями о якобы «народном» характере советской власти и отчетливо выраженным стремлением большевиков заполнить органы сельского самоуправления максимально возможным количеством членов компартии путем грубого давления на избирателей. Как говорили члены Сальского окружкома РКП(б) в 1924 г., «крестьяне в большинстве селений выражают явное недовольство, если на выборах им предлагают список кандидатов в члены сельсовета, и не потому, что последние им не нравятся, а потому, что, как они выражаются, “не хотим только поднимать руки”»⁴³. Инициативные же и самостоятельные сельские хозяева, пытавшиеся в той или иной мере критиковать коммунистов-администраторов (или сменить их в своем сельсовете), подвергались давлению со стороны представителей партийно-советского руководства, вплоть до зачисления их в неполноправную категорию «лишенцев», — лиц, лишенных возможности избирать и быть избранными в органы местного самоуправления. Тот же Горюнов с горечью признавал, что «по инициативе [сельских партийных] ячеек иногда без всякой необходимости лишали права голоса всякого сколько-нибудь активного казака, смевшего выступать с критикой мероприятия соввласти. Причисляли этих активистов к контрреволюционерам и кулакам и тем самым надолго отталкивали от себя слой, который при умелом подходе можно было использовать на любой выборной станичной работе... Эти слова “контрреволюционер и кулак”, ставшие ругательным[и], долго не прощаются в станице»⁴⁴.

В итоге, деревня либо выражала недовольство заполнением сельсоветов членами компартии, либо, несмотря на ограниченные возможности, пыталась этому противодействовать. Представители краевого, окружного и районного партийно-советского руководства в 1920-х гг. нередко констатировали, что во время ежегодных перевыборных кампаний сельсоветов казаки и крестьяне на собраниях пытались отклонить или провалить кандидатуры коммунистов. И если противодействовать натиску непосредственно членов партии оказывалось сложно, то пробольшевистски настроенных беспартийных сельских «активистов» крестьяне нередко не допускали в органы самоуправления. В середине 1920-х гг. отмечалось, например, что «учительство, которое настроено советски близко к нам, крестьянство проваливает во время выборов в совет»⁴⁵.

Учитывая неприязненное отношение крестьян к местным органам власти, сформированным в соответствии с теорией и практикой большевизма, руководство Советской России оказалось перед дилеммой. С одной стороны, ЦК компартии приветствовал заполнение сельсоветов «социально близкими» и партийными кандидатами. С другой — лидеры компартии отдавали себе отчет в том, что «плохое состояние советского аппарата является угрозой крепости Советской республики и Союзу рабочих и крестьян»⁴⁶ (последние вполне могли перенести свое неприязненное отношение к местным органам власти в целом на советскую систему и большевистский режим). К исходу 1924 г. тревога большевиков по поводу нарастания антисоветских и антикоммунистических настроений среди крестьянства достигла критической точки. Дабы усилить доверие жителей села к советской власти, лидеры РКП(б) решили осуществить политическую кампанию «Лицом к деревне». Одним из важных компонентов данной кампании стало «оживление» сельских советов, означавшее на практике отказ большевиков от доми-

нирования в этих властных органах бедноты, батрачества, коммунистов и проведение свободных выборов, в ходе которых крестьяне могли возложить должностные обязанности на популярных среди них кандидатов.

«Оживление» сельсоветов, как и в целом политика большевиков в деревне, вызвали положительные настроения среди сельских жителей. Как говорилось в одном из партийных донесений в 1925 г., «старики, заслушав доклад избиркома о важности широчайшего крестьянского участия в выборах, крестились со словами: “Слава Богу, и мы теперь не лишние”»⁴⁷. Однако итоги осуществленного «оживления» сельских советов оказались несколько неожиданными для большевиков. Во время перевыборов сельских советов в Северо-Кавказском крае весной 1925 г. население в полной мере продемонстрировало свое нежелание допускать в советы членов партии (хотя в целом, как отмечали представители партийного руководства, лозунг «Советы без коммунистов» являлся в деревне «мало популярным»⁴⁸). Обсуждая конечные результаты прошедших перевыборов, партийно-советское руководство мрачно констатировало, что «растерянность коммунистов была исключительная», а избиратели проваливали их с нескрываемым «сладострастием». Так, в Мечетинском районе в процессе перевыборов «из 250 человек, присутствующих на собрании, за коммунистов голосуют один – двое»⁴⁹. При этом крестьяне открыто и настойчиво «выдвигали свои требования к собраниям в советы проводить хозяйственников, деловых людей, честных, которые не растранижируют бы общественные фонды (это обстоятельство имело в некоторых советах место)»⁵⁰.

В результате прошедших перевыборов весны 1925 г. представительство коммунистов в сельских советах заметно сократилось, а численность беспартийных, напротив, существенно выросла. Эта отчетливо проявившаяся политико-административная тенденция отражала истинное волеизъявление крестьянских масс. Так, если в сельсоветах Донецкого округа Северо-Кавказского края в 1924 г. рабочие и батраки составляли 5.17%, то в 1925 г. – только 2.4, члены партии – 10.16 (4.6), беспартийные – около 84% (93%) соответственно⁵¹. Среди председателей сельсоветов Донецкого округа в 1924 г. рабочие и батраки составляли 12.6%, а в 1925 г. – только 7.57, коммунисты – 44.54 (26.05), беспартийные – около 54% (71.43%)⁵². Маятник социально-политических предпочтений крестьянства качнулся не в сторону правящей партии, которая не смогла предложить деревне выверенной программы, а главное – достойных кандидатов.

Вряд ли партийно-советское руководство РСФСР удивлялось нежеланию крестьян допускать коммунистов в советы во время относительно свободных выборов 1925 г.: ведь информация о критическом отношении сельских жителей к членам партии исправно поступала с мест в правительственные органы в первой половине 20-х гг. XX в. Но если снижение представительства партийцев в органах местного самоуправления на селе – лидеры РКП(б) могли предвидеть, то неприятным сюрпризом электорального поведения для них стало прохождение в сельсоветы значительного количества «социально чуждых элементов» из числа крестьян или сельской интеллигенции.

Дело в том, что те «хозяйственники», которых крестьяне настойчиво требовали провести в сельсоветы, являлись по определению зажиточными хозяевами, т.е., по партийной терминологии большевиков, – «кулаками», врагами советской власти. Выбирая их в советы, жители надеялись, что «если крестьянин сумел поставить свое крестьянское хозяйство, то безусловно он сумеет быть хорошим хозяином [в сельсовете]»⁵³, «нужно провести [в совет] тех, кто хорошо (богато) живет»⁵⁴. Кроме того, крестьяне полагали, что, в случае допущения каких-либо злоупотреблений и/или должностной халатности, член сельсовета из числа зажиточных мужиков сможет ответить за свои ошибки: «У него есть имущество, и значит с него можно взыскать потом будет»⁵⁵.

Такого рода крестьянские рассуждения нельзя не признать обоснованными и логичными. Но то, что казалось разумным и естественным сельским жителям, с точки зрения большевиков считалось неприемлемым, ибо напрямую противоречило их идеологии. Поэтому представители партийно-советского руководства болезненно реагировали на действия крестьян и казаков, поддерживавших зажиточных односельчан и станичников во время перевыборов советов. Еще большее беспокойство коммунистов вызвали

случаи, когда зажиточные сами стремились сформулировать собственный электорат и занять руководящие посты в деревне. Хотя многие селькоры утверждали, что зажиточные «в общественных делах принимают открытое участие редко, пытаясь действовать путем агитации среди середнячества лишь в делах непосредственно задевающих их интересы, например землеустройство»⁵⁶, во время перевыборов советов на Юге России осенью 1924 г. и особенно весной 1925 г., немало «крепких хозяев» попытались пройти в органы местного самоуправления. Так, осенью 1924 г. в Донском округе Северо-Кавказского края в станице Кривянской Новочеркасского района «зажиточные избиратели особенно организованно, активно и упорно добивались проведения в сельсовет своих кандидатов по заранее составленному списку. Зажиточные казаки и середняки той же слободы, для того чтобы беднота и батрачество не могли участвовать в выборах в советы, предоставили им своих лошадей и волов... чтобы они могли поехать из слободы быть (резать. – *Т.П.-К.*) камыш и на рынок. Эта затея зажиточникам удалась»⁵⁷, так что они провели своих кандидатов в совет.

Заметим, что термин «кулак» в архивных документах того времени активно и повсеместно еще не употреблялся. С другой стороны, слово «зажиточные», как показал контекстуальный анализ изученных мною источников, нередко использовалось в крестьянском лексиконе в качестве непосредственного синонима термина «кулак» без демонизации соответствующего образа. Причем практики советского строительства в 1920-х гг. еще не были столь сильно отягощены идеологическими догмами, и поэтому довольно часто в выступлениях употреблялось слово «зажиточные» исключительно по его прямому назначению, подразумевая прежде всего самые хозяйственные слои деревни. Тем самым в крестьянском лексиконе одновременно фигурировали оба слова: «кулак» и «зажиточные», и никакого противоречия в этом не содержалось, ибо именно зажиточные крестьяне представляли социальное лицо деревни.

Помимо зажиточных крестьян в состав обновленных советов попало некоторое количество «бывших», т.е. представителей досоветского чиновничества, интеллигенции, офицерства (как правило, в казачьих станицах). Именно эти люди обладали реальным опытом администрирования на местах, чего так не хватало постоктябрьской деревне. Поэтому весной 1925 г. председателем Мечетинского сельсовета стал «старый чиновник»⁵⁸. В марте 1927 г. сотрудники ОГПУ докладывали в Сальский окружком ВКП(б), что в станице Орловской Пролетарского района на должности секретаря сельсовета находится казак Пономарев, «бывший полицейский урядник при белых, личность антисоветски настроенная, каковой, пользуясь служебным положением, производит регистрацию в ЗАГСе лиц обоего пола, не достигших совершеннолетия»⁵⁹. Такие факты не могли не тревожить правящую партию.

Региональная специфика Юга России предоставила большевикам еще один существенный повод для беспокойства. Дело в том, что в казачьих районах представительство казаков в станичных советах заметно выросло⁶⁰. Например, после выборов весны 1925 г. казаки составили 80% членов Мечетинского станичного совета⁶¹. Собственно, «оказачивание» советов формулировалось большевистским руководством как политическая задача («лицом к казачеству»), реализация которой должна была способствовать распространению просоветских настроений в казачьих сообществах. Однако процессы пошли иначе, чем изначально предполагалось, и представителей партийно-советского руководства сильно тревожило то обстоятельство, что «казак попер в советы и у нас спрашивать не стал»⁶². Иными словами, казаки, вопреки публично обозначенным для них властно-электоральным ожиданиям правящей партии, во-первых, стремились выдвигать из органов местного самоуправления иногородних крестьян, во-вторых, старались «выдвигать в советы старых общественных деятелей (атаманов) и др.»⁶³. Такие действия воспринимались лидерами партии как однозначное ослабление позиций большевистского режима в станицах, с чем они, естественно, примириться не могли.

Все вышеперечисленные изменения в советах, явившиеся закономерным результатом предоставленной земледельцам возможности самостоятельно формировать органы местного самоуправления, вызвали сильнейшее беспокойство в ЦК ВКП(б) и

привели к свертыванию политики «Лицом к деревне». Как отмечает М. Венер, «уже с осени 1925 г. партия затормозила осуществление своей политики, направленной на дальнейший подъем сельского хозяйства, вновь взяв на вооружение концепцию классовой борьбы»⁶⁴ (свертывание политики «Лицом к казачеству», являвшейся в казачьих регионах Юга России разновидностью политики «Лицом к деревне», началось, по мнению А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджяна, не ранее весны 1926 г.)⁶⁵.

В итоге все вернулось на круги своя, и корпорация работников сельской системы самоуправления вновь стала вызывать нарекания крестьян, указывавших на фактическое отсутствие свободных выборов («на местах еще имеется назначенчество председателей сельсоветов»⁶⁶), на самоуправство местного начальства, которое «обращается с гражданами грубо, грозит арестом»⁶⁷, на то, что «наш советско-хозяйственный аппарат бывает негибким и слабо реагирующим на нужды трудящихся масс»⁶⁸. Однако с большевистских номенклатурных позиций формирование корпорации местных управленцев не вызывало особых сомнений. Затем, с конца 1920-х гг., началась сплошная форсированная коллективизация, в ходе которой корпорация местных администраторов и вовсе отделилась от крестьянства, ибо «для сталинской системы властвования и управления требовался специфический персонал»⁶⁹. В ходе коллективизации сельсоветы окончательно превратились в послушных проводников политики большевистского режима, а их работники, сохраняя выборный статус, фактически стали представлять собой одну из категорий бюрократического аппарата со всеми присущими ему негативными характеристиками. Противоречивая советская муниципальная реформа 1920-х гг. по развитию советских учреждений управления трансформировалась в создание низового звена партokratического политического режима в 1930-х гг.

Таким образом, исторический опыт изучения системы местного управления в 1920-х гг. на Юге России показывает, что ликвидация многообразия форм участия крестьянства в руководстве доколхозной деревни привела к торжеству тоталитарной модели управления и стала апофеозом аграрной политики сталинизма. Торжество номенклатурных подходов сгубило крестьянскую инициативу и отстранило социальное большинство деревни от реальных рычагов управления.

Примечания

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918. С. 2.

² *Белобородов А.П.* О сельских советах // *Власть Советов*. 1924. № 2; *Владимирский М.* Организация советской власти на местах. М., 1921.

³ *Герасимов О.В.* О взаимоотношениях сельсовета со сходом и земельным обществом // *Власть Советов*. 1927. № 5; *Зданович С.* Сельские советы и земельные общества // *Большевик*. 1928. № 6; *он же.* Взаимоотношения сельсоветов с земельными обществами // *Власть Советов*. 1928. № 18.

⁴ *Амфитеатров Г.* Земельное общество и сельсовет // *Революция права*. 1928. № 2; *Горохов В.* Сельский совет, сход и земельное общество // *Хозяйство и правление*. 1927. № 3; *Перелешин И.* Сельский сход и сельсовет. М., 1926.

⁵ *Горюнов П.М.* О перевыборах Советов на селе в 1927 г. Ростов н/Д., 1927; *Лицо донской деревни*. Ростов н/Д., 1925.

⁶ *Осокина В.Я.* Социалистическое строительство в деревне и община 1920–1933, М., 1978.

⁷ *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968; *История советского крестьянства. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти 1917–1927.* М., 1986.

⁸ *Венер М.* Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // *Отечественная история*. 1993. № 5; *Кознова И.Е.* Крестьянская поземельная община в 1921–1929 годах. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Кудюкина М.М.* Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926–1929 гг. // *Историческое значение нэпа. Сборник научных трудов*. М., 1990. С. 109–128.

⁹ *Данилов В.П.* Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // *Крестьяне и власть. Материалы научной конференции*. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23; *Дегтев С.И.* Крестьянство и

формирование низовых властных структур деревни в 20 гг. // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 127–146; *Яхшиян О.Ю.* Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

¹⁰ *Орлов И.Б.* Местная власть в 1920-е годы // Сталин. Сталинизм. Советское общество: К 70-летию В.С. Лельчука. М., 2000. С. 125–140; *Яхшиян О.Ю.* Общинное самоуправление и советы: местная власть в русской деревне 1920-х гг. М., 2006.

¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 204, л. 44.

¹² РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 580, л. 124.

¹³ Там же, д. 795, л. 574.

¹⁴ Там же, оп. 7, д. 14, л. 356.

¹⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО), ф. 75, оп. 1, д. 109, л. 8.

¹⁶ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 575, л. 18.

¹⁷ ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 11.

¹⁸ Там же, л. 11 об.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 1023, л. 65.

²⁰ Там же, д. 870, л. 2, 42.

²¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 6, д. 27, л. 9 об., 720.

²² ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 109, л. 6.

²³ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГА СК), ф. р-229, оп. 1, д. 825, л. 1.

²⁴ См.: *Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни. Ростов н/Д., 2005. С. 383–387; *Гадицкая М.А., Скорик А.П.* Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д., 2009. С. 183–210.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 204, л. 34.

²⁶ *Сталин И.В.* Разгон Думы и задачи пролетариата // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 41.

²⁷ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 15, л. 33.

²⁸ Там же, ф. 97, оп. 1, д. 48, л. 16 об.

²⁹ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 27.

³⁰ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 575, л. 72; ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 29.

³¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 562.

³² ГА СК, ф. р-299, оп. 1, д. 1396, л. 5.

³³ Там же, л. 1.

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 204, л. 34.

³⁵ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 15, л. 70.

³⁶ Там же, д. 32, л. 31.

³⁷ Там же, д. 45, л. 32а.

³⁸ *Горюнов П.М.* О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Ростов н/Д., 1925. С. 24.

³⁹ Там же. С. 24.

⁴⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 204, л. 33.

⁴¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 15, л. 33.

⁴² Там же, ф. 97, оп. 1, д. 69, л. 88.

⁴³ Там же, д. 48, л. 16 об.

⁴⁴ *Горюнов П.М.* О казачьем вопросе... С. 21.

⁴⁵ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 33.

⁴⁶ ГА РФ, ф. А-406, оп. 5, д. 272, л. 55.

⁴⁷ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 64, л. 31.

⁴⁸ Там же, ф. 97, оп. 1, д. 69, л. 98.

⁴⁹ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 27.

⁵⁰ Там же, ф. 75, оп. 1, д. 64, л. 31.

⁵¹ Там же, л. 38, 38а.

⁵² Там же, л. 40, 40а.

⁵³ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 15, л. 35.

⁵⁴ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 575, л. 23.

⁵⁵ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 27.

⁵⁶ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 570, л. 168.

⁵⁷ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 15, л. 34.

⁵⁸ Там же, д. 32, л. 31.

⁵⁹ Там же, ф. 97, оп. 1, д. 76, л. 7.

⁶⁰ См.: *Перехов Я.А.* Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д., 1997. С. 92–96; *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010. С. 116–121.

⁶¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 31.

⁶² Там же, л. 34.

⁶³ Там же, л. 27.

⁶⁴ *Венер М.* Указ соч. С. 100.

⁶⁵ *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 202.

⁶⁶ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 109, л. 7.

⁶⁷ Там же, ф. 110, оп. 1, д. 26, л. 19 об.

⁶⁸ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края, ф. 5938, оп. 1, д. 35, л. 4.

⁶⁹ *Романовский Н.В.* Люди Сталина: этюд к коллективному портрету // Отечественная история. 2000. № 4. С. 65.

© 2011 г. А. П. ШЕКШЕЕВ *

«ЧЕРНЫЕ ПАРТИЗАНЫ» ЭПИЗОД КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

На государственную политику преодоления хлебных кризисов, коллективизации и раскулачивания сибирские крестьяне реагировали по-разному, случалось и в форме вооруженного протеста. Многие из таких выступлений, произошедших на территории Приенисейской Сибири, в научной литературе лишь кратко упоминаются и до сих пор интерпретируются как всплеск «классовой борьбы кулаков» против советской власти¹. Одному из них, названном, согласно чекистской легенде, «бандитской» деятельностью «черных партизан», с целью установления исторической справедливости и углубления познаний об этом явлении в целом и посвящена данная статья.

Согласно милицейским сводкам, летом 1930 г. на территории Каратузского и Ермаковского районов Минусинского округа Сибирского края (современного юга Красноярского края) вспыхнули и были подавлены обособленные, не связанные между собой крестьянские восстания². Однако чекисты, расследуя эти события и базируясь в основном на документах, связанных с личностью и деятельностью некоего Н.Г. Заплавского, сочли их единым выступлением, направленным против советской власти. Судя по материалам этого дела, Заплавский окончил Бакинское мореходное училище и стал капитаном на коммерческом судне Каспийского пароходства. Лишившись после революции избирательных прав, он перебрался в Сибирь и якобы создал здесь контрреволюционную организацию «Союз спасения Родины», куда вошли боевики, названные с целью получить союзника в лице бывших красных партизан, еще представлявших в сибирском селе политическую силу, «черными партизанами». Цель деятельности «Союза» заключалась в ликвидации коммунистического режима, образовании крестьянской республики с земствами, парламентом и президентом. Заплавский, пользуясь авторитетом среди крестьян, будто бы снабжал их инструкциями по организации комитетов, вербовке новых членов и листовками³.

* **Шекшеев Александр Петрович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Гуманитарного научно-исследовательского института Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.